

Повязав Сина Цзюньжання, Хан Сиэнь без долгих раздумий пустил все конфискованные в его усадьбе взятки на нужды разоренного уезда Минъань. Жизнь здесь еще не успела вернуться в прежнее русло, но дела медленно, но верно налаживались.

Аресту уездного судьи простые люди радовались открыто: на улицах буквально хлопали в ладоши. При этом никто не винил ни мать Сина Цзюньжання, ни его жену — весь народный гнев и презрение обрушились исключительно на него самого.

Старая госпожа Син взяла всю вину за казнокрадство на себя, так что за решетку не угодил лишь единственный представитель семьи — юный Син Юньци. Но лишившись отцовской протекции, избалованный юноша оказался обычным бездельником, совершенно не приспособленным к трудностям.

Чем угодливее его превозносили в былые времена, тем безжалостнее презирали теперь. И все же нашелся один старик из пригородной деревеньки, который когда-то получил от судьи помощь и наотрез отказывался верить в его виновность. Он стал единственным, кто пришел навестить узника в темнице.

Глядя сквозь решетку на дряхлого старика, лица которого он даже не помнил, и слушая его горячие заверения в невинности, Син Цзюньжань вдруг вспомнил свои былые годы на юго-западной границе. Тогда его семья едва сводила концы с концами, но простые жители глухого пограничного городка относились к нему с такой же искренней теплотой и почтением.

Нахлынувшие воспоминания сдавили горло, и Син Цзюньжань, вцепившись в мозолистые руки старика, горько разрыдался.

Избежавший ареста Син Юньци быстро осознал, каково это — лишиться титула неприкосновенного барчука. Вся праздная свора, что еще вчера вилась вокруг него, заискивая и заглядывая в рот, испарилась в мгновение ока, стоило над его домом грянуть грозе.

Он впервые столкнулся с суровой реальностью: без авторитета отца-судьи он не мог раздобыть даже куска мяса на обед.

Юноша пытался искать помощи у вчерашних приятелей, завсегдатаев столичных кабаков, но сыновья безродных торговцев, которых он прежде и за людей-то не считал, теперь захлопывали перед ним двери. Те, кто раньше боялся подать при нем голос, теперь глядели на него свысока, едва скрывая брезгливость.

Кое-кто ради потехи швырял ему под ноги жалкую монету, а затем натравливал слуг, чтобы те хорошенько поколотили бывшего господина. В один миг мир Син Юньци перевернулся. Бездомный, голодный, избитый, он растерянно бродил по улицам, не зная, как выжить.

Ночевать приходилось прямо на мостовой. Даже нищие гнали его прочь, а стоило им узнать в оборвыше судейского сына, они отбирали у него объедки, издевательски приговаривая, что

так он быстрее поймет, сколько зла его папаша причинил людям.

Юноша лежал в дорожной пыли, изнывая от голода. Спасение пришло неожиданно: тот самый деревенский старик, которому Син Цзюньжань успел шепнуть пару слов перед арестом, разыскал несчастного барчука и увез в свою деревню.

Сжимая в огрубевших руках глиняную плошку с жидкой кашей и жуя пресную просяную лепешку, Юньци впервые после крушения семьи наелся досыта. Он уткнулся лицом в миску и безудержно зарыдал.

Больше он не кланчил жирное мясо на обед, не ворчал на отца за отсутствие столичных чинов и не требовал у матери дорогих шелков. Вся его бывшая спесь сгорела. Теперь он молил лишь об одном: чтобы папа, мама и бабушка снова были рядом.

Узнав об участии его сына, Хан Сиэнь приказал передать весточку Сину Цзюньжаню в темницу.

Маркиз не собирался шантажировать или подкупать бывшего судью, чтобы вытянуть из него признания. Он прекрасно понимал: Син Цзюньжань — всего лишь мелкая сошка, слепо и глупо ввязавшаяся в чужую грязную игру.

Тем временем уезд Минъань кипел работой. Все силы уходили на восстановление после наводнения и борьбу с мором. К счастью, заразу удалось удержать под контролем: повальной эпидемии в уезде так и не началось.

Далеко не все лекари, прибывшие по приказу из столицы, горели желанием отправляться в эту глушь. Однако, воочию узрев масштабы бедствия, даже самые ворчливые из них уняли гордыню и вспомнили о врачебном долге. Проникшись состраданием к обездоленным людям, они добровольно вызвались проводить бесплатные осмотры и лечить местных жителей. Было решено, что они останутся здесь до тех пор, пока кортеж императорского уполномоченного не двинется обратно в столицу.

Столичных лекарей приехало немало, по пути к ним примкнули лекари из других земель, да и уездные лекари не остались в стороне — так что нехватки в умелых руках Минъань больше не испытывал.

Доложив об этом Хан Сиэню, придворный лекарь Чжоу оставил двух столичных помощников руководить уездными лекарями, распределив между ними обязанности.

Восстановительные работы продвигались на удивление бойко. Рабочие из числа крепких местных мужчин трудились не покладая рук. Гао Фэн выделил полсотни гвардейцев для общего надзора и охраны порядка. Поскольку плату за труды, как и обещал маркиз, выдавали

честно в конце каждого дня, люди работали с огромным рвением.

Когда в уезде окончательно вернулась жизнь, а на исхудавших лицах людей вновь заиграли улыбки, Хан Сиэнь решил, что его миссия здесь окончена. Он отправил императору подробный доклад о состоянии дел в Минъане и отдал приказ выступить к резиденции генерал-губернатора в Лючжоу.

Разумеется, отчет о разгроме судейского гнезда и полной конфискации имущества Сина Цзюньжана уже лежал на императорском столе. Какую именно гримасу скорчил старый правитель, читая эти строки, Хан Сиэню не нужно было даже гадать.

На пути от Минъаня к Лючжоу лежали еще три уезда, и молодой маркиз, казалось, вошел во вкус.

Он без лишних церемоний перетряхнул их все, безбоязненно смещая местных уездных судей — и у каждого за душой обнаружили горы грехов.

В первом уезде чиновники спелись со столичными купцами, безбожно взвинтив цены на хлеб посреди голода и забирая себе львиную долю наживы.

Во втором — алчный судья под предлогом борьбы с мародерством во время наводнения без суда и следствия казнил зажиточных купцов, прибирая к рукам их добро и набивая личные сундуки.

В третьем же уезде власть узурпировал местный тиран, сидевший на должности помощника судьи. Сам уездный судья оказался безвольной марионеткой: исправно получал свою долю и ни во что не вмешивался. Вся управа, включая стражников, состояла из головорезов этого чинуши. Во время бедствия эта шайка занялась откровенным грабежом, а тех несчастных, кто пытался протестовать, объявляли разносчиками чумы и заживо сжигали прямо в их домах.

Прибыв на место, Хан Сиэнь не стал тратить время на допросы. Объявив, что помощник судьи выказал ему непочтение, он приказал переломать мерзавцу ноги, разграбил его усадьбу до последнего гвоздя, а бездеятельного судью, безропотно ожидавшего своей участи, собственноручно приговорил к смерти и обезглавил, пустив в ход жалованный императором Меч Шанфан.

Императорская сталь впервые омылась кровью. Хан Сиэнь отдавал приказы ледяным, не терпящим возражений тоном. Сопровождавшие его столичные чиновники похолодели от ужаса — столь явное пренебрежение законами выходило за все рамки.

Судья уезда, каким бы ничтожеством он ни был, оставался государственным чиновником седьмого ранга. С точки зрения Гао Фэна, казнить его имел право исключительно государь. Подобное самоуправство со стороны Хан Сиэня граничило со святотатством и бунтом.

Гвардейцы Гао Фэна замерли в нерешительности, но инструктор императорской гвардии Бай Шу обнажил клинок без колебаний. Третий принц Цзи Ло, устав бороться с упрямством этих двоих, лишь молча качал головой и тайно строчил доносы отцу, подробно расписывая каждое прегрешение юного маркиза.

К моменту, когда процессия приблизилась к границам Лючжоу, во всех четырех уездах, где успел похозяйничать Хан Сиэнь, восстановительные работы кипели вовсю. Самое поразительное — на это не было потрачено ни единого медного гроша из государственной казны.

Обоз уполномоченного пополнился не только сундуками с казенным серебром, но и длинной вереницей закованных в колодки чиновников, отправляемых в столицу на монарший суд.

Цзи Ло находил происходящее чрезвычайно забавным. Поначалу он подозревал, что Хан Сиэнь, подобно ему самому, помнит свою прошлую жизнь и пытается таким образом оказать ему услугу.

Однако вскоре принц понял, как сильно заблуждался. Хан Сиэнь действовал исключительно по собственной прихоти. Оставалось загадкой, почему в этой жизни он не пошел прежним путем — не стал искать скорой кончины после череды безумств.

Такого таланта наживать врагов Цзи Ло еще не встречал. Хан Сиэнь умудрился мимоходом сокрушить двух верных ставленников второго принца Цзи Жуна и одного доверенного человека из клана Хань, поддерживающего пятого принца Цзи Хуая. А ведь за каждым из этих чинуш тянулись невидимые нити к Шести министерствам и влиятельным столичным родам, связанным узами брака.

«Похоже, он вовсе не перерожденец, — размышлял Цзи Ло. — Скорее, чудом избежав безвременной кончины, этот безумец просто решил повеселиться и перевернуть весь двор вверх дном».

С появлением Хан Сиэня над вельможами завис дамоклов меч постоянного страха. Коррумпированным вельможам оставалось лишь в оцепенении наблюдать, как лезвие неотвратимо приближается к их шеям, лишая сна и покоя. Для них это было кошмаром наяву, но Цзи Ло испытывал почти физическое удовольствие от этого зрелища.

На подходе к Лючжоу Цзи Ло решил лично побеседовать с Хан Сиэнем. На его лице отражалась несвойственная ему серьезность:

— Лючжоу — совсем другое дело, Сиэнь. Здесь завязаны слишком крупные интересы, заденешь одного — всколыхнется вся империя. Генерал-губернатор Чжоу Маань — чиновник первого ранга, облеченный колоссальной властью. Здесь нельзя действовать напролом. К тому же он наверняка знает о твоих бесчинствах в пути и успел припрятать все ценное. Доказательств у тебя нет. И помни: резиденция главнокомандующего Лянцзяна находится неподалеку. Хоть армия и не подчиняется гражданскому губернатору напрямую, Чжоу Маань имеет право

призвать войска для защиты города от судейского произвола. Если начнется вооруженное противостояние, перед лицом императора ты окажешься виновным во всех грехах.

— Понимаю, — коротко бросил Хан Сиэнь.

Его тон казался безразличным, но он действительно сознавал опасность. Лючжоу контролировал весь регион Лянцзян, и здешнее чиновничье болото было слишком глубоким. Он не собирался бросаться в омут с головой. На сей раз следовало действовать тоньше.

Убедившись, что его предостережение услышано, Цзи Ло с облегчением вздохнул.

На самой границе земель Лючжоу процессию встретила пышная кавалькада местных сановников во главе с самим генерал-губернатором Лянцзяна Чжоу Маанем.

Впервые за все время пути кортеж уполномоченного развернул парадные знамена. Под торжественный грохот барабанов и звон гонгов Хан Сиэнь покинул паланкин. Окинув встречающих равнодушным взглядом, он зачитал высочайший указ. Чжоу Маань и его подчиненные покорно склонили колени, принимая императорскую волю.

Стоило свитку свернуться, Хан Сиэнь с едва заметной усмешкой велел чиновникам подняться. Не снизойдя даже до приветственного слова, он вернулся в паланкин и приказал двигаться дальше.

Знатные вельможи растерянно переглянулись, с тревогой косясь на генерал-губернатора. Слава об эксцентричном судейском сынке бежала впереди него. Все знали, что этот столичный выскочка сметает уездных судей без разбора, оставляя за собой лишь пепелище.

Безгрешных чиновников в Лянцзяне не водилось, и здешняя знать пребывала в постоянном страхе, ожидая, что карающий меч Хан Сиэня вот-вот опустится и на их головы.

Они даже успели приготовить для уполномоченного хитрую ловушку, надеясь спровоцировать его на ошибку. Однако Хан Сиэнь, вопреки ожиданиям, вел себя мирно. Его высокомерие раздражало, но никаких признаков скорой расправы он не выказал.

Чжоу Маань нахмурился, тщетно пытаясь разгадать намерения молодого маркиза. Если пришелец из столицы решил повременить с карательными мерами, заготовленный план следовало пересмотреть.

Расположенный на возвышенности Лючжоу почти не пострадал от разгула стихии. Когда паланкин Хан Сиэня приблизился к главным городским воротам, перед ним предстала грозная картина: по обе стороны дороги застыли стройные шеренги вооруженных до зубов воинов.

Навстречу гостям в тяжелом боевом доспехе шагнул главнокомандующий войсками Лянцзяна Цзян Шуйшэн.

Сквозь полуприкрытую занавесь Хан Сиэнь смерил военачальника ледяным взглядом:

— Генерал Цзян, если память мне не изменяет, вы занимаете пост главнокомандующего Лянцзяна. По какой причине вы покинули расположение гарнизона? Закон Военного министерства гласит, что военачальники пограничных и внутренних провинций не имеют права оставлять места дислокации без личного указа Его Величества. Что же заставило вас нарушить устав?

Лицо Цзян Шуйшэна пошло багровыми пятнами. Не мог же он признаться, что явился сюда по тайномуговору с Чжоу Маанем, надеясь поймать столичного наглеца на превышении полномочий, затеять вооруженную потасовку и представить все пред светлые очи императора как мятеж.

Но коварный замысел рухнул из-за того, что Хан Сиэнь проехал мимо чиновников без единого слова угрозы. Военачальнику пришлось на ходу менять личину и изображать преданного слугу короны, вышедшего поприветствовать государева посланника.

Кто бы мог подумать, что изнеженный столичный юнец так досконально знает армейский устав Великой Чжоу? Цзян Шуйшэн застыл с полукрытым ртом, лихорадочно соображая, как выпутаться из расставленной им самим ловушки.

<http://bllate.org/book/20088/2002007>